

Вероника Нуркова

РАССКАЗЫВАТЬ О СЕБЕ, РАССКАЗЫВАТЬ СЕБЯ, РАССКАЗЫВАТЬ СОБОЙ: АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ С ПОЗИЦИЙ КУЛЬТУРНО- ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье проведены экспликация и методологический анализ представлений о природе, механизмах порождения и функционирования автобиографического нарратива в существующих ныне подходах: филологической нарратологии и нарративной психологии. Предлагается новый вариант рассмотрения нарратива с позиции культурно-деятельностной психологии. Рассматривается соотношение порождаемого субъектом автобиографического нарратива и категорий «личность», «культура», «деятельность», «идентичность», «автобиографическая память». Предлагается понимание автобиографического нарратива как процесса и результата реализации мотивированного целенаправленного мнемического действия, исполняемого по семиотическим правилам в речевой форме, позволяющего актуализировать механизм осознания своего жизненного пути и направленного на стабилизацию или изменение существующей иерархии мотивов для оптимизации характеристик будущей деятельности.

Ключевые слова: автобиографический нарратив, автобиографическая память, идентичность, личность.

Abstract. The aim of the article is the explication and methodological analysis of ideas about nature, conditions of origin and mechanisms of functioning of autobiographical narratives existing in the modern approaches: philological narratology and narrative psychology. A new version of consideration of autobiographical narrative according to cultural-activity psychology is suggested. The interrelation between autobiographical narrative generated by the subject and the concepts of "personality", "identity", "culture", "activity", "autobiographical memory" is analyzed. Understanding of autobiographical narrative as a process and result of realization of motivated goal-determined mnemonic action is offered for consideration. This action is carried out according to the semiotic rules in verbal form, which allows actualization of the mechanism of awareness of the one's life span. Moreover, it is aimed at the stabilization or change of the existing hierarchy of motives to optimize the characteristics of future activities.

Keywords: autobiographical narrative, autobiographical memory, identity, personality.

Рассказ о себе
как единица
межличностной
коммуникации

Человек, рассказывающий о своей жизни, обращается к содержанию автобиографической памяти – особой высшей мнемической функции, организованной по смысловому принципу, оперирующей с личностно отнесенным опытом, обеспечивающей формирование субъективной истории жизни и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути [1]. В обыденную коммуникацию преимущественно включается вербализация единичных воспоминаний, в зависимости от ситуации и задачи рассказчика принимающая вид описания фотографического, важного, переломного или характерного эпизода прошлого. В ряде исследований показано, что автобиографический рассказ является одной из самых распространенных единиц общения. Например, по данным М. Пасупати с коллегами, более 60% эпизодов, включенных в личный дневник, обсуждаются с кем-либо из окружающих в течение того же дня, когда событие произошло. Типичная 15-минутная аудиозапись бесед супругов включает в себя в среднем около девяти отсылок к событиям прошлого [2]. Аналогично, в семейном межпоколенном общении за воскресным обедом истории о прошлом возникают со средним интервалом в пять минут [3]. При этом конкретные характеристики рассказа (включая и замысел повествования) под влиянием как оценки ситуации взаимодействия самим говорящим, так и в результате динамики реакций слушателей могут значительно изменяться («начал за здоровье, кончил за упокой»). Соответствие конкретного вербального воплощения автобиографического рассказа и его замысла может быть условно выражено соотношением генотипа – фенотипа, т.е. устойчивого ядра «О чем я говорю» и вариативного «Как я об этом говорю». Для указания на это явление используется специальный термин – «ситуативная история» (“situated story” [4]).

Единичное
воспоминание
ситуативно
представляет
целостную историю
жизни человека

С нашей точки зрения, конкретное воспоминание, вне зависимости от того актуализируется ли оно «для себя» или «для другого» (даже, появляясь лишь как фрагмент беседы на постороннюю тему), возникает в сознании субъекта неслучайно. Оно каждый раз является своего рода «представителем» целостной истории жизни человека, которая не может быть полностью осознана одновременно, но имплицитно в обобщенном виде присутствует в качестве своеобразной «матрицы», направляющей «здесь и сейчас» воспроизведение того или иного содержания. Более того, в определенных усло-

виях (при написании мемуаров, в рамках психотерапевтической сессии, в общении с близкими) человек способен «взойти» от фрагментарных эпизодов прошлого к целостной репрезентации истории жизни, эксплицировать ее (безусловно, развивая, усложняя, трансформируя и наполняя новым содержанием исходную скрытую схему). Отметим, что данный процесс может осуществляться с сохранением повествовательной формы автобиографического нарратива или включать в себя перекодирование в иную форму (например, в форму метафоры).

Целостная история жизни как процесс закономерной интеграции фрагментарных воспоминаний на основе жизненного понятия личной судьбы

Интеграция отдельных воспоминаний о жизненных событиях в целостную систему автобиографической памяти и появление систематизированной истории собственной жизни – развивающийся процесс, результирующей которого являются представления человека о своем «жизненном пути». Только с определенного возраста, характеризующего переход к персоногенезу (термин и концепция принадлежат А. Г. Асмолову), начинается концептуализация событий жизни и формирование целостных конструктов «моя жизнь», «моя биография», «моя судьба». Данные конструкты опосредствуются социокультурными нормами и практиками (включая религиозные) и семиотическими системами (использующими обобщения разного типа – от синкрета до метафор и понятий). Высшим уровнем культурно-исторической интеграции субъективной картины жизненного пути личности является индивидуальный концепт судьбы, отражающий взаимопроникновение кристаллизованных социокультурных значений и индивидуально-личностных смыслов, который уже гораздо труднее поддается «линейной», повествовательной вербализации.

Интеграция отдельных воспоминаний в связанную смысловыми (частный случай – причинно-следственными) и временными отношениями систему автобиографической памяти опосредствуется также развитием самой концепции «судьбы». Линия развития, отражающая процессы концептуализации и интеграции, ведет к изменению структурных единиц на микроуровне: дифференцируются различные типы воспоминаний о жизненных событиях – «фотографические», «важные», «характерные» и «переломные».

Роль «культурных жизненных сценариев» в формировании представления о своей судьбе

Механизм реального развития автобиографической памяти представляет собой сложное встречное движение двух тенденций – социализации и индивидуализации. Индивидуальная концепция «судьбы» складывается в течение всей жизни. С одной стороны, она определяется

процессами интериоризации социокультурных значений понятия «судьба человека», источником которых могут служить религия, философия, искусство, обыденные социальные стереотипы и «культурные жизненные сценарии» [5]. *Культурный жизненный сценарий* – это разделяемые большинством членов культурной общности представления о типичном содержании и «расписании» жизненных событий, а также приписываемой им значимости и валентности. Показано, что культурный жизненный сценарий является средством организации автобиографии, выступая в качестве «селектора» того, что и как человек включает в свою личную историю [6]. В этом случае происходит селекция материала автобиографической памяти для подтверждения содержания присвоенного значения. В результате такого хода процесса интериоризации «судьба» отчуждается от ее носителя и субъективно выступает для него как внешняя данность. Феномен «самоосуществляющихся предсказаний», когда с человеком происходит именно то, что, как он считает, «ему на роду написано», можно отнести к ряду явлений, связанных с данным способом формирования понятия судьбы. С другой стороны, концепция судьбы может преимущественно создаваться самим субъектом на основе самоанализа (индивидуальных форм интерпретации) реальной динамики событий собственной жизни.

Автобиографическая память личности – носитель представления человека о своей судьбе

Независимо от понимания источника детерминации, лежащего в основе индивидуального концепта судьбы (судьба-предопределение, судьба – реализация культурного сценария, судьба – результат серии свободных выборов), именно автобиографическая память является ее носителем. Содержания автобиографической памяти в зависимости от типа фундаментальной идеи судьбы выступают для личности по-разному. «Просмотр» хода собственной жизни (анализ материала автобиографической памяти) дает человеку возможность фиксировать, «считывать» уже предопределенную (по его мнению) судьбу или из воспоминаний о последовательности событий конструировать представление о свободной, открытой изменениям судьбе.

Субъективная история жизни обретает объективное существование в форме автобиографического нарратива

Автобиографический рассказ или нарратив, как было указано выше, является базовой формой объективного существования автобиографической памяти. Ниже нами будут предприняты экспликация и методологический анализ представлений о природе, механизмах порождения и функционирования автобиографического нарратива в существующих ныне подходах: филологиче-

ской нарратологии и нарративной психологии. С целью развития этой проблематики нами предлагается более продуктивный вариант его рассмотрения с позиции культурно-деятельностной психологии. Основной вопрос, возникающий при изучении автобиографического нарратива – какая психологическая реальность на самом деле становится предметом реконструкции? Что видит перед собой исследователь, приступая к анализу нарратива? Каким образом и в какой степени открытый и доступный для анализа объект – автобиографический нарратив – представляет скрытые ненаблюдаемые явно конструкты, такие как «личность», «культура», «идентичность», «автобиографическая память»?

Автобиографический нарратив – предмет анализа в рамках филологической нарратологии

В филологических дисциплинах нарративный подход оформился значительно раньше, чем в психологии. Согласно В. Шмидту, автору обобщающего труда по нарратологии, нарратология представляет собой дисциплину «о построении повествовательных произведений» [7], что подразумевает включение в ее предмет не только художественных произведений, но и документальных (понимаемых самим автором как рассказ о своем реальном прошлом) источников.

Главные признаки нарратива: рассказчик, событие, временная дистанция

Критерием нарратива является присутствие в тексте инстанции рассказчика, т.е. преломление повествуемого через призму внутреннего мира повествующего [8]. А. Данто, описывая специфику нарратива относительно любого иного текста, пишет, что нарративные предложения «содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, хотя *описывают* только более раннее из этих событий, предполагая, что оно чревато последствиями в будущем» [9]. Таким образом, текст может быть отнесен к нарративу при наличии в нем рассказчика, адресации к прошлому и событий. Событие, в свою очередь, подразумевает тождественность субъекта действия, релевантность изменений, непредсказуемость, наличие существенных последствий, необратимость и уникальность совершившегося [10]. Ю. М. Лотман определяет событие как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [11], т.е. атрибутом события является в первую очередь изменение, заключающееся либо в изменении оценки человека в системе социальных значений, либо самооценки личности в системе смыслов.

Нарратив и спонтанное «фотографическое» воспоминание

Е. С. Калмыкова и Э. Мергенталер, рассматривая роль нарратива в контексте психотерапии, цитируют классический на сегодняшний день перечень лингвистических признаков нарратива, предложенный в 1966

Нарратор в тексте
автобиографическо-
го повествования

году Лабовым и Валецки: (а) ориентировка – описание места, времени действия, персонажей; (б) осложнение или конфликт – возникновение препятствия; (в) оценка – выражение авторского отношения к происходящему; (г) разрешение – устранение препятствия; (д) код – завершение повествования и возврат в *здесь-и-теперь*» [12]. Показательно, что типичная структура нарратива очень схожа с описанием одного из наиболее исследованных типов автобиографического воспоминания – «фотографическим» по Р. Брауну и Дж. Кулику [13].

Как уже было сказано выше, текст нарративного типа подразумевает эксплицитное присутствие в нем рассказчика (нарратора). В. Шмидт предлагает систему описания нарратора в литературном произведении через ряд характеристик (см. табл.).

Таблица

**Характеристики описания нарратора
в литературном произведении [14]**

Характеристики	Типы нарратора
способ изображения	эксплицитный – имплицитный
диегетичность (активность)	диегетический – недиегетический
степень выявленности	сильно – слабо выявленный
личность	личный – безличный
антропоморфность	антропоморфный – неантропоморфный
гомогенность	единый – рассеянный
выражение оценки	объективный – субъективный
информированность	всеведущий – ограниченный по знанию
пространство	вездесущий – ограниченный по местонахождению
интроспекция	внутринаходимый – вненаходимый
надежность	ненадежный (<i>unreliable</i>) – надежный (<i>reliable</i>)

Очевидно, что относительно нескольких из предложенных оппозиций реальный автобиографический нарратор позиционируется однозначно как эксплицитный, сильно выявленный, личный, антропоморфный, единый, внутринаходимый и надежный. Относительно других параметров автобиографический нарратор может значительно варьировать. Например, при включении в рассказ описания своего рождения или событий младенчества обычно диегетическая позиция рассказчика (присутствие нарратора как активного участника действия) сменяется недиегетической (описание себя как объекта действий других). Оценка изложенных в рассказе событий может акцентировать либо субъектив-

ный («В этот момент мне казалось, что мир вокруг меня рушится»), либо объективный аспект («Это событие впоследствии сыграло большую роль в истории нашего государства»). Информированность нарратора в рамках повествования может флуктуировать от абсолютной наивности при описании «фотографического» эпизода до буквально «всевидящего ока», осознающего весь спектр последствий произошедшего при описании переломного события. Параметр пространства также является весьма подвижным, в рассказ могут включаться сведения об отдаленных событиях и персонажах («А в это время моя мать ждала звонка от меня»).

Культура как коллективная память, частично воплощаемая в индивидуальных текстах

Отдельного внимания заслуживает проблема авторства автобиографического нарратива. Нарратологи задаются вопросом: «Кто говорит, когда история рассказывается?» Начиная с конца 1970-х годов, понимание автора как проекции индивидуального автономного сознания сменяется обсуждением коллективного авторства, достигшего своего максимального воплощения в концепции интертекстуальности как своеобразной «смерти автора». Как пишет Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат... Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [15]. Как известно, русские структуралисты еще в первой половине прошлого века (например, В. Шкловский, Б. Томашевский) возводили все богатство индивидуальных текстов к общему источнику «порождающих моделей», в частности, В. Я. Пропп усматривал 31 универсальную сюжетную функцию в фольклорной сказке [16].

Данная трактовка устанавливает и связь между личностью – культурой – памятью. Как указывает Ю. М. Лотман: «Культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т.е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т.е. пространство, в пределах

Филологическая нарратология ориентирована на экспликацию универсальных культурных моделей из индивидуального текста

Нарративная психология – эклектический ансамбль авторов, разделяющих тезис о текстовом опосредствовании феноменологии личности

Единство личности и автобиографического повествования как предмет нарративной психологии

которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы... Память не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть ее текстообразующего механизма» [17].

Таким образом, согласно нарратологической позиции, нарратив является «местом» проявления личности. За счет проектирования определенной нарративной позиции автор выявляет значимые характеристики своей личности и фиксирует их в тексте. При этом автобиографическая память автора, из которой он черпает содержание нарратива, представляет собой индивидуальный срез культуры, задающей поле возможностей его самореализации в тексте. Личность существует до и вне нарратива, но это – «молчащая» личность. Конкретный, укорененный в личности автора нарратив рассматривается как материал для описания культуры, которая является его истинным источником. Дж. Брунер поддерживает эту мысль: «По сути, один из наиболее важных способов охарактеризовать культуру – выявить предлагаемые ей нарративные модели описания хода жизни» [18].

Интерес к повествовательной форме репрезентации личности, обоснованный нарратологами, вызвал к жизни так называемое нарративное движение в психологии. Это движение аккумулирует в себе релевантные данной проблематике идеи методологически чуждых друг другу направлений: психоанализа, понимающей психологии, когнитивной психологии (в частности, теории личностных конструктов Дж. Келли), и в существенно упрощенном виде культурно-исторического подхода Л. С. Выготского. Проявляя удивительную толерантность к очевидным различиям указанных подходов, представители данного течения объединяются вокруг акцентирования текстового опосредствования феноменологии личности [19].

В то время как аппарат классической нарратологии все же преимущественно направлен на материал художественных текстов, предметом нарративной психологии является описание закономерностей взаимовлияния вербализованной субъективной картины прошлого и личности. Показателен следующий пример, поясняющий, на наш взгляд, особенность нарративной психологии. Если Б. О. Корман (филолог) определяет рассказчика в нарративном повествовании как «носителя речи, организующего своей личностью весь текст» [20], то Т. Сарбин (нарративный психолог) утверждает, что психическая активность осуществляется в соответствии с

«нарративным принципом»: «Люди думают, воспринимают, воображают и совершают моральные выборы согласно нарративным структурам» [21]. Еще более категоричен Пол Иакин. «Мы – это истории, которые рассказываем о себе», – настаивает он [22]. Иными словами, посредством текста нарратива организуется сама личность его носителя, нарратив является организующим фактором человеческой психики. Личность не предшествует порождаемому повествованию, а создается в процессе этого порождения. Возможно, что со стороны данная дискуссия напоминает обсуждение вопроса из разряда «что было раньше курица или яйцо?», но таким образом, в рамках современной нарративной психологии постулируется своеобразный изоморфизм личности как таковой и ее существования в повествовании.

Интересно, что схожую позицию выражает известный историк культуры и последователь М. М. Бахтина Л. М. Баткин, рассуждая о становлении автобиографического жанра в Средневековье: «Неверно расхожее представление, будто некая полагаемая заранее существующей... якобы актуальная индивидуальность автора выражалась в его тексте или поступке. Наоборот, только... благодаря сочинению или действию формировалась какая-никакая индивидуальность... Средства выражения ее не стесняли, а давали родиться – вот такой, а не иной...» [23].

Нарративная психология включила в круг своего рассмотрения ряд новых проблем, нерелевантных филологическому анализу. Среди них, во-первых, вопрос о функции нарратива в бытии личности. Фундаментальной функцией автобиографического нарратива является интеграция личности вопреки ее ситуативной изменчивости. Тогда история жизни – это внутренний рассказ, который селективно реконструирует прошлое, таким образом, чтобы наделить жизнь целостным смыслом, целью и согласованностью.

Понятием, наиболее полно раскрывающим функциональную роль нарратива, полагается понятие идентичности [24]. Причем за данным термином для представителей нарративного подхода в психологии стоит не его словарное значение (*identity* – такой же, тождественный, эквивалентный), а значительно более широко и нечетко определяемая ядерная структура, примерно совпадающая с расширенным толкованием самого понятия личности. «Идентичность – это рассказ о жизни, интернализированный рассказ о прошлом, настоящем и

Главная функция нарратива – создание и поддержание идентичности личности

антиципируемом будущем, который сообщает жизни переживание целостности и осмысленности», – считает МакАдамс [25]. МакАдамс рассматривает нарративную идентичность как личностное достижение, которое, следовательно, при позитивном развитии личности должно демонстрировать тенденцию к наращиванию объема и смысловой насыщенности во времени. Сингер [26] также использует понятие нарративной идентичности, подразумевая под этим вербальное выражение значения и смысла жизни человека («Что есть моя жизнь?»). Отсюда следует гипотеза о существовании некоторого «оптимального» по содержательным и структурным характеристикам нарратива, дающего возможность переживания максимальной личностной интегрированности и осмысленности. В качестве признаков «хорошей» жизненной истории МакАдамс предлагает критерии связности (образы, темы и сюжеты жизненных историй, рассказываемых одним человеком, должны быть консистентными во времени), внутренней непротиворечивости, сюжетности, завершенности, эстетической привлекательности [27]. Другие авторы указывают на высокую детализированность описания, наличие отступлений, проясняющих контекст события и личность рассказчика, и отсутствие избыточных отступлений [28]. Отметим, что данные предположения находятся в статусе скорее «психотерапевтического мифа» и не имеют пока достаточного эмпирического подтверждения.

Содержание субъективной картины жизненного пути включает скрытые от окружающих события внутренней жизни

Дистанция между «повествующим» и «повествуемым»: нарратив и личность отождествляются

Стоит отметить, что не всегда «событийная» и «бытийная» истории жизни совпадают. «Люди слишком мало придают значения истории жизни в деле постижения человеческой души... особенно важно считаться с историей самой души, ее впечатлений, потрясений и привязанностей. Как часто там, где во внешней биографии мы находим ровную линию, в мире душевных явлений происходят катастрофы, определяющие дальнейшую судьбу человека», – писал Н. А. Рыбников в статье «Биографический метод в психологии» [29]. По нашим наблюдениям, достаточно часто встречается и иной – дескриптивный тип автобиографического рассказа, содержанием которого является бессюжетное описание психологического состояния и свойств рассказчика.

Собственно психологической проблемой является также анализ динамики нарратива и соответствующих ей (параллельных или причинно-следственных) изменений личности. «В анализе стоит учитывать тот факт, что автобиография творится, «достраивается» клиен-

том в течение жизни», – справедливо замечает Е. Е. Сапогова [30]. Однако при этом игнорируется важнейший, на наш взгляд, факт неэквивалентности «повествующего я» и «повествуемого я», вполне осознанный в филологической нарратологии. Так, В. Шмидт указывает: «Необходимо рассматривать повествующее и повествуемое “я” как две функционально различаемые инстанции, как нарратора и персонажа или, вернее, актора, т. е. носителя действия, которые связаны физическим и психологическим единством, причем это единство может иметь более или менее условный характер» [31]. Справедливости ради следует заметить, что по данной проблеме не существует единомыслия и внутри круга специалистов, связанных с практикой нарративной психологии. В этой связи показательным названием одной из недавних статей, относящихся к указанной тематике, «Я, создающее Историю, создающие Я» [32]. Более продуктивной интеграцией данных позиций стал бы, по-видимому, отказ от отождествления нарратива и личности и переход к представлению о циклическом взаимовлиянии нарратива и личности, где нарратив в своих зачаточных формах личности предшествует. Ребенок начинает использовать повествовательный модус речи, сначала рассказывая о другом, затем о себе как о другом и только впоследствии о себе как о себе [33].

Автобиографический нарратив включает презумпцию доверия к содержанию рассказа

Нарративных психологов интересует также вопрос об адекватности автобиографического нарратива событиям, имевшим место в реальности, т.е. соотношении автобиографии и биографии. Если литературоведы анализируют фикциональные миры, созданные фантазией писателя, где нарратор, согласно замыслу автора, может обладать различной степенью выявленности, то относительно автобиографического нарратива предполагается высокая степень документальности.

Авторство нарратива и идея интертекстуальности

Относительно вопроса об авторстве нарратива в целом нарративные психологи разделяют идею интертекстуальности, т.е. идею «о существовании текста в пространстве других текстов. Текст может отсылать к тем текстам, о которых в нем даже формально не упоминается. Все, что автор прочитал до написания своего текста, прорывается в его собственном произведении даже помимо его воли и сознания» [34]. В данном аспекте нарратология в филологическом смысле и нарративная психология практически смыкаются. Нарративная психология аналогично видит в нарративе соавторство индивидуального субъекта и культуры, причем вклад

сторон меняется по мере развития личности. Интериоризация культурных жизненных сценариев, нарративных правил и образцов в ходе становления личности и автобиографической памяти сменяется все более авторским подходом к своей судьбе («жизнестроительством» по Ю. М. Лотману), вплоть до того, что авторский нарратив может обогащать «большую» культуру, сам становится образцом для последователей [35].

Различия между устной и письменной речью

Заметим попутно, что на сегодняшний день как в рамках нарратологии, так и в рамках нарративной психологии не проводится сколько-нибудь явного разведения устной и письменной формы автобиографического нарратива, хотя, очевидно, что между данными формами построения высказывания должны быть существенные отличия. Эти различия, впрочем, вполне осмыслены специалистами в области речевой коммуникации [36].

Алгоритм анализа структуры и содержания жизненных историй взрослых людей

Можно сказать, что в последние годы нарративные исследования имеют тенденцию к все большему смещению в сторону номотетического характера анализа. Так, проанализировав более двухсот интервью, МакАдамс предложил следующие показатели для анализа структуры и содержания жизненных историй взрослых людей [37]: Эмоциональный тон нарратива; Образность; Темы; Идеологическая обстановка, т.е. система религиозных, политических и этических взглядов и ценностей человека, включенная им в свой жизненный нарратив; Ядерные эпизоды – «высшие» и «низшие» точки жизненной истории (наиболее яркие события, связанные с позитивными и негативными переживаниями), описание жизненных вызовов и поворотных точек; Имаго – совокупность персонажей, представляющих повествующего; Наличие генеративности – фиксация того, каким образом взрослый человек создает и развивает позитивное наследие своего «я» для передачи последующим поколениям.

Стандартизованная форма нарративного интервью – история своего прошлого в виде книги

МакАдамс предлагает стандартизованную форму нарративного интервью, базирующуюся на метафоре «жизнь как роман». Интервьюируемому предлагается представить историю своего прошлого в виде книги, назвать и дать краткое содержание каждой из ее глав. Затем, по МакАдамсу, требуется выделить восемь наиболее значимых событий прошлого: «зенит» прошлого, «надир» прошлого, «поворотное» событие, самое раннее воспоминание, воспоминание детства, воспоминание юности, воспоминание зрелости и «еще одно значимое воспоминание». Сам автор не аргументирует выбор данного количества событий, можно предположить, что, с

одной стороны, здесь имеет место ассоциация с восьмью стадиями эпигенетического развития личности в модели Э. Эриксона [38], а, с другой стороны, указанный объем совпадает со знаменитым «магическим числом $7+/-2$ » единиц, которые могут одновременно репрезентироваться в сознании. Представляется, что, лежащее в основе подобной инструкции допущение о хронологическом характере организации истории жизни, значительно сужает свободу самовыражения респондента и игнорирует тот факт, что автобиографическая память имеет уровневую структуру [39]. Сошлемся также на описанную В. Шмидтом четырехуровневую модель структуры нарратива: уровень событий, уровень истории, уровень наррации и уровень презентации наррации [40].

Процесс создания нарратива –
конструирование идентичности.
Развивающийся нарратив –
идентичность личности

Таким образом, с точки зрения нарративной психологии, нарратив представляет собой средство конструирования и стабилизации личности. Нарративная идентичность в этом процессе выступает опосредующим звеном, а культура – полем возможностей этого формирования (в виде социального контекста и дискурсивных практик). Другими словами, автор, пользуясь доступным ему языком, создает идентичность, которая объективируется в нарративе, который, в свою очередь, оказывает влияние на усиление одних и ослабление других личностных характеристик. Затем «обновленная» личность развивает следующий нарратив и т.д. В пределе личность и нарратив сливаются, становясь одним целым. Оливер Сакс пишет об этом следующим образом: «Каждый из нас конструирует и проживает нарратив, так что этот нарратив становится нами, нашей идентичностью» [41]. Как тонко замечает Ю. Лотман: «В реальном поведении людей – сложном и управляемом многочисленными факторами – поведенческие тексты могут оставаться незаконченными, переходить в новые, переплетаться с параллельными. Но на уровне идеального осмысления человеком своего поведения они всегда образуют законченные и осмысленные сюжеты. Иначе целенаправленная деятельность человека была бы невозможна» [42]. Развитие личности тогда понимается как постоянное движение в сторону более согласованного и продуктивного нарратива. «Молчащая» личность не существует, без нарратива нет и личности. Психотерапевтическая практика нарративной психологии направлена на оптимизацию нарратива. Анализ нарратива становится, таким образом, для нарративного психолога основным методическим приемом исследования личности.

Исследование автобиографического нарратива с учетом деятельностной детерминации процесса наррации

Место процесса наррации в структуре текущей деятельности определяет его конкретные характеристики

Главным недостатком описанных выше подходов к исследованию автобиографического рассказа, на наш взгляд, является игнорирование деятельностной детерминации процесса наррации. Мнемические процессы в целом детерминированы соотношением воспроизводимого материала с содержанием разноуровневых регуляторов актуально осуществляемой деятельности (ценностей, мотивов, целей, смыслов, способов реализации). Автобиографический рассказ, как и любое иное мнемическое действие, всегда мотивирован, целенаправлен и зависит от условий контекста. Отсюда возникает вопрос о функции автобиографического рассказа в рамках текущей деятельности, т.е. о том, насколько высоко мотивирована данная деятельность (в плане интенсивности потребности и ее месте в иерархии мотивов) и о том, какова значимость мнемического действия автобиографического рассказа в продуктивном осуществлении данной деятельности. Мы считаем, что именно сочетание влияния указанных факторов и будет во многом определять конкретные характеристики продуцируемого нарратива.

Позволим себе привести гипотетический пример. Представим себе командировочного, чей рейс отложен на неопределенный срок. В рамках высоко мотивированной для него профессиональной деятельности у него обнаруживается нисходящая цепочка целей все более низкого уровня: поехать в командировку – добраться до места командировки – скоротать время до посадки в самолет. Только в рамках этой последней цели обособляется подцель актуализации автобиографической истории для поддержания беседы со случайным попутчиком. Очевидно, что роль нарратива в данном случае факультативна. Он представлен на операциональном уровне деятельности. Автобиографическое рассказывание могло бы здесь без ущерба быть заменено, например, на чтение газеты или прогулку по зданию аэропорта. Весьма вероятно, что созданный при указанных обстоятельствах нарратив будет обладать свойствами «плохого» нарратива по МакАдамсу или Барону и Блэк. Скорее всего, он будет носить развлекательный характер и в малой степени отражать ценностные структуры личности автора, будет наблюдаться большое количество избыточных отступлений, низкая детализация, ассоциативность в компоновке сюжетов, фрагментарность и незавершенность сюжетных линий.

Предположим теперь, что человек излагает этот же эпизод своего прошлого, но уже с высоко личностно значи-

мой целью установления интимности в межличностном общении. Прямая адресация мнемической цели к высоко значимому мотиву и незаменимость отсылки к конкретному содержанию памяти феноменологически превратят «плохой» нарратив в «хороший». Из рассказа исчезнут избыточные детали, он сфокусируется вокруг сюжета, который, по замыслу нарратора, лучше всего описывает значимые аспекты его самоидентичности, в отдельные операции будут выделены обеспечение эстетической привлекательности рассказа и тонкое реагирование на запросы слушателя. Еще больший «вес» тот же рассказ приобретет при включении в мемуары или иные формы сознательно выстраиваемой самопрезентации личности. Другими словами, создание нарратива может представлять собой как операцию, так и действие различного уровня мотивированности и зачастую выделяться в достаточно автономную деятельность. Итак, рассмотрение нарратива в свете деятельности может позволить выявить стоящие за частным нарративным высказыванием цели, мотивы и ценности, т.е. особенности личности рассказчика.

Характеристики
рассказа и мотивы
личности

В эмпирическом исследовании нами было показано, что характеристики мнемического образа не являются стабильными во времени, что не только количественные, но и качественные характеристики мнемического продукта определяются местом в структуре деятельности. Ряд параметров чувственной ткани мнемического образа (субъективная яркость и полнота) и его значения (оценка личной и исторической значимости события прошлого) изменяются в соответствии с динамикой смысловой насыщенности воспроизводимого материала. Связь между феноменологическими характеристиками воспоминания и его смысловой насыщенностью является подвижной: при изменении смысловой насыщенности изменяются характеристики воспоминания. На нарастание актуальности мотива деятельности, в рамках которой выполняется мнемическая задача, чувственная ткань образа воспоминания «отвечает» повышением субъективной яркости, полноты и детальности. Причем процесс изменения феноменологических характеристик воспоминания протекает на неосознаваемом уровне регуляции качества мнемического образа и является динамичным [43].

Автобиографиче-
ский нарратив как
своеобразная проек-
ция деятельности
человека

Представители отечественной психологии, глубоко включенные в проблематику анализа нарративов, пусть и не вполне явно, но указывают на недостаточность его внедеятельностной интерпретации. Так, Е. Е. Сапогова, предлагая методические рекомендации по анализу авто-

Нарратив
как средство
рефлексивного
преобразования
мотивационных
структур и условие
личностного
развития

биографических текстов, пишет: «Используя автобиографию в качестве объекта анализа, психолог не должен упускать из виду тот факт, что одна из основных целей консультанта – понимание индивидуальных особенностей, ценностей, автостереотипов, “картины мира”, обстоятельств его жизни и т.п. Объект его анализа – стоящий *за* текстом клиент, поэтому он должен интересоваться не самой по себе реальностью текста..., а текстом как проекцией, отражением того, что стоит “за ней”. Изучение текста автобиографии – это изучение своеобразного *продукта деятельности* клиента, способ понимания его особенностей и обстоятельств, а не конечный предмет психологического анализа» [44]. Реализуя данную мысль, Сапогова указывает на ценность анализа коммуникативных аспектов нарратива (выявление адресата нарратива, темп, громкость, приемы управления вниманием слушателя), его жанровой атрибуции и уровня символизации, включающей метафорические образы.

Изъятие личности из потока деятельности всегда представляет собой искусственную и условную редукцию. Продуктивный анализ личности в рамках деятельностной парадигмы предполагает ее понимание как момента деятельности, проекции системы деятельностей. Тогда существенно установить, какова роль создания автобиографического нарратива в изменении личности и, как следствие, в протекании будущих деятельностей. Можно утверждать, что автобиографический нарратив представляет собой продукт мотивированного целенаправленного мнемического действия, разворачивающегося в рамках текущей деятельности и направленного на стабилизацию или изменение существующей иерархии мотивов личности для оптимизаций характеристик будущей (предвосхищаемой) деятельности. Наше видение данного процесса представлено на рис.1. Личность, обладающая сложившейся структурой мотивов, осуществляет текущую деятельность, в рамках которой требуется достижение некоторой цели, компонентом которой выступает создание автобиографического нарратива. Характеристики созданного нарратива детерминированы его местом в структуре текущей деятельности и личностной значимостью самой деятельности. Рассказанный автобиографический нарратив приобретает объективную форму и может быть отчужден от личности для анализа. Для самой личности нарратив может выступить средством рефлексивного преобразования своих мотивационных структур, что является одним из условий личностного развития.

Нарратив как привлечение социальной поддержки

Мысль о функционировании автобиографического нарратива в качестве средства преобразования личности в контексте социального взаимодействия может быть проиллюстрирована интересными эмпирическими

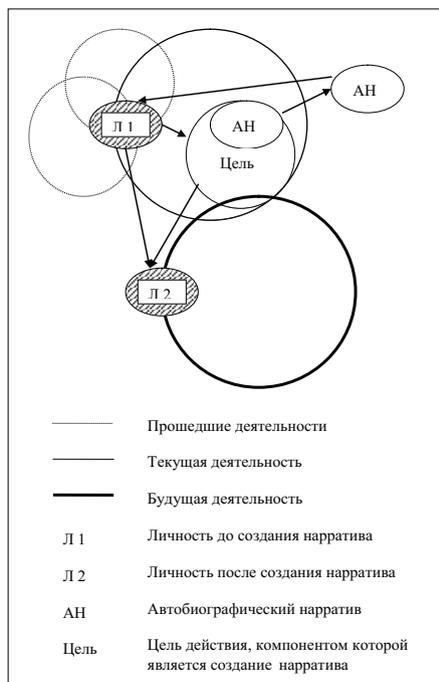

Рис. 1. Автобиографический нарратив в структуре деятельности

Речевая форма –
сущностный атрибут
нарратива

данными. Исследования указывают на несимметричность эффектов воздействия на психологическое состояние автора воспроизведения «для себя» и «для других» автобиографических историй противоположного эмоционального знака [45]. По данным этих авторов, обсуждение историй негативного содержания ведет к повышению психологического благополучия, в то время как молчаливое восстановление в памяти эмоционально тягостных эпизодов – к его снижению. Обратное явление наблюдается относительно воспоминаний позитивного содержания: мысленное повторение позитивного эпизода прошлого повышает психологическое благополучие, а его обсуждение не имеет выраженного эффекта. Возможно, полученные результаты связаны с тем, что именно рассказ о травмирующем событии является удачным средством реализации цели привлечения социальной поддержки, рассказывание позитивного эпизода, наоборот, ее блокирует.

Очевидно, не менее важен и тот факт, что всякая предметная деятельность опосредствована семиотическими системами, она происходит в «очеловеченном» мире предметных значений. Развиваемое автором понимание автобиографической памяти как одной из центральных скрытых переменных, стоящих за нарративом, как высшей психической функции, делает этот принцип еще более существенным [46]. Автобиографический нарратив как форма речевого высказывания создается по конвенциональным культурным правилам. Иными словами, автобиографический нарратив – это не просто мнемическое действие, а мнемическое действие, исполняемое семиотически. При сохранении наиболее широких рамочных требований к структуре и содержанию нарратива вообще (именно они и оказались в основном в центре внимания филологической нарратологии)

для каждого из выделенных нами функциональных типов автобиографических воспоминаний («фотографического» воспоминания, важного воспоминания, переломного воспоминания, характерного воспоминания) наблюдаются свои специфические языковые каноны и средства выражения [47]. Так, рассказ о «фотографическом» воспоминании сфокусирован на детализированном описании эпизода прошлого вне широкого жизненного контекста, рассказ о важном воспоминании строится на обсуждении последствий события для последующей жизни, а рассказ о переломном воспоминании подразумевает редукцию описания эпизода и концентрацию на сопоставлении свойств личности до и после свершения события.

Культура как исторически обусловленный способ формирования высших психических функций (в том числе и автобиографической памяти) включает в себя систему языка, в которой возможны одни и невозможны иные способы представления самосознания. Автобиографический рассказ в отличие от иных мнемических явлений предполагает осознанность, т.е. сам как средство заключает в себе потенциал активного произвольного самоконтроля. В связи с этим, ответ на поставленный выше вопрос «возможна ли личность вне нарратива», культурно-деятельностный подход предполагает ответ: такая личность будет неосознающей себя, с низким потенциалом самодетерминации, «разисториченной» (П. Иакин употребляет для обозначения данного состояния удачный, на наш взгляд, термин “de-stored personality”) [48].

В культуре существует устойчивая номенклатура приемлемых и поощряемых автобиографических нарративов

В эмпирических исследованиях убедительно показано, что становление автобиографического рассказа происходит во взаимодействии ребенка и его ближайшего окружения. В зависимости от стиля коммуникации по поводу автобиографического опыта у ребенка складывается специфическая структурно-содержательная модель автобиографической памяти, которая впоследствии служит своеобразной «базой данных» для формирования личности предпочитаемого данной культурой типа [49].

Рассказывание автобиографической истории предполагает конкретного слушателя, а порой и деятельного соавтора нарратива. Слушатели предпочитают и поддерживают определенные типы историй и отвергают другие. Наличие культурно специфичных ожиданий относительно приемлемого для обсуждения содержания рассказов и пригодных для этого ситуаций не вызывает сомнений. За

счет поощрения рассказов определенного типа в рамках коммуникативных практик может происходить отсев нерелевантных культурным схемам рассказов или их переформатирование и через повторение кристаллизация согласованных с культурными требованиями. Однако существуют значительные межкультурные различия в эмоциональной ориентации нарративов. Так, А. Торн установил, что американские слушатели отдают предпочтение историям, в которых извлечение «жизненного урока» описывается с позиции победителя, а не побежденного [50]. В российской культуре, напротив, крепка «жалобная» традиция. В диссертационном исследовании Е. В. Николаенко указывается на семантическое родство русских слов «жалеть» и «жаловать», скрепленное позитивными коннотациями и отсутствующее в романогерманских языках. «Русская “жалобная” традиция представляет собой этноспецифическое средство упорядочивания отрицательного жизненного материала в дискурсивной практике, оформляющей в речи опыт переживания человеком социально и психологически трудных событий, ситуаций и состояний», – пишет автор [51]. Обнаруженное различие, по нашему мнению, делает проблематичным прямой перенос критериев оценки нарратива из западной психотерапевтической практики на отечественную почву.

Автобиографический нарратив с позиции культурно-деятельностного подхода

Проведенный выше анализ дает возможность дать следующее определение автобиографического нарратива с позиции культурно-деятельностного подхода. *Нарратив – процесс и результат реализации мотивированного и целенаправленного мнемического действия, исполненного по семиотическим правилам в речевой форме, позволяющей актуализировать механизм осознания, и направленного на стабилизацию или изменение существующей иерархии мотивов для оптимизации характеристик будущей деятельности*

Новые исследовательские задачи рассмотрения автобиографического нарратива

Таким образом, мы приходим к выводу, что рассмотрение автобиографического нарратива с позиции культурно-деятельностного подхода ведет к постановке ряда новых исследовательских задач:

1. Поскольку автобиографический нарратив всегда представляет собой реализацию цели в рамках мотивированной деятельности, его анализ с учетом ситуации рассказывания является методом реконструкции структуры мотивов, целей, ценностей личности. Характеристики рассказа дают возможность оценить место в иерархии мотива, связанного с актуализацией воспоминания.

2. Автобиографический нарратив, как один из компонентов текущей деятельности, является осознаваемым средством изменения или стабилизации личностных свойств, его анализ позволяет выявить тот идеальный «проект» личности, который своей жизнедеятельностью стремится осуществить субъект.

3. Семиотическая опосредствованность нарратива открывает возможность анализа тех дискурсивных практик, в которых складывается самосознание человека.

Следует указать еще несколько возможных параметров, которые в совокупности с указанными выше, могут дать систему для максимально объемного прочтения автобиографического нарратива:

- функциональный репертуар обращения к прошлому;
- принцип извлечения воспоминаний (ассоциативный, с опорой на внешние средства, тематический, хронологический);
- временной период, который охватывают воспоминания;
- наличие сведений, выходящих за рамки содержания автобиографической памяти;
- субъективная насыщенность прошлого событиями;
- богатство феноменологии воспоминаний;
- наличие клише, схем, стереотипов (например, концепта «золотого детства»);
- расхождения между общей оценкой прошлого и смысловой насыщенностью отдельных воспоминаний;
- использование неосознаваемых защитных механизмов для снятия противоречий в жизненной истории;
- представленность прошлого в настоящем;
- мониторинг источника воспоминаний;
- уровень субъективной активности в работе с прошлым;
- когнитивная сложность интерпретаций;
- задавание параметров социальной, персональной и автобиографической идентичности в повествовании;
- наличие значимых умолчаний.

В заключение важно подчеркнуть, что в зависимости от исследовательской задачи, в каждом случае оптимальной является та или иная индивидуально подобранная конфигурация параметров анализа [52].

1. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М., 2000.

2. *Pasupathi M., Lucas S., Coombs A.* Functions of autobiographical memory in discourse: Long-married couples talk about conflicts and pleasant topics // *Discourse Processes*. – 2002. – № 34. – С. 163–192.

3. *Bohanek J., Marin K., Fivush R.* Family Narratives, Self, and Gender in Early Adolescence // *The Journal of Early Adolescence*. – 2008. – Feb. – Vol. 28. – P. 153–176.

4. *McLean K. C., Pasupathi M., Pals J. L.* Selves Creating Stories Creating Selves: A Process Model of Self-Development // *Personality and Social Psychology Review*. – 2007. – Aug. – Vol. 11. – P. 262–278.

5. *Коган Л. М.* Человек и его судьба. – М., 1988;
Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М., 2000.

6. *Berntsen D., Rubin D.* Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // *Memory & Cognition*. – 2004. – Apr. – Vol. 32. – Issue 3. – P. 427–443; *Berntsen D., Bohn A.* Cultural life scripts and individual life stories // *Memory in mind and culture* / Boyer, P., Wertsch, J. V. (eds.). – Cambridge, 2009. – P. 62–82;
Нуркова В. В., Янченко Е. В. Культурный жизненный сценарий как средство форматирования индивидуального опыта: исследование на материале датских и российских испытуемых // *Развивающийся человек в пространстве культуры: психология гуманитарного знания. Материалы конференции*. – Тула, 2004. – С. 181–185; *Нуркова В. В., Митина О. В., Янченко Е. В.* Сгущения в субъективной картине прошлого // *Психологический журнал*. – 2005. – № 2. – С. 22–32.

7. *Шмидт В.* Нарратология. – М., 2003.

8. Теория литературы: В 2-х т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – М., 2004.

9. *Данто А.* Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной под ред. Л. Б. Макеевой. – М., 2002.

10. *Шмидт В.* Нарратология. – М., 2003.

11. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // *Лотман Ю. М. Об искусстве*. – СПб., 1998. – С. 223.

12. *Калмыкова Е. С., Мергенталер Э.* Нарратив в психотерапии: рассказы пациентов о личной истории // *Психологический журнал*. – 1998. – Т. 19. – № 5. – С. 97–103, 100.

13. *Brown R., Kulik J.* Flashbulb Memories // *Cognition*. – 1977. – № 5. – P. 73–99.

14. *Шмидт В.* Нарратология. – М., 2003. – С. 79.

15. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник / Под ред. И. П. Ильина и Е. А. Цургановой. – М., 1996. – С. 218.
16. *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. – М., 2002.
17. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. – Таллин, 1992. – С. 200–202.
18. *Брунер Дж.* Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. Социальный конструктивизм и нарративный подход. – 2005. – № 1 (2). – С. 9–29.
19. *McAdams D.* The stories we live by: personal myths and the making of the Self. – New York, 1993; *Polkinghorne D. P.* Narrative knowing and the human science. – N. Y., 1988; *Макадамс Д. П.* Психология жизненных историй // Методология и история психологии. – 2008. – № 3. – С. 135–167; *Сарбин Т. Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. – 2004. – № 1. – С. 6–28.
20. *Корман Б. О.* О целостности литературного произведения // Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск, 1992. – С. 119.
21. *Сарбин Т. Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. – 2004. – № 1. – С. 6–28, 13.
22. *Eakin P. J.* Living Autobiographically: How We Create Identity in Narrative. – Cornell University Press, 2008.
23. *Баткин Л. М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М., 2000. – С. 73.
24. *Барский Ф. И., Кутузова Д. А.* Представления об идентичности в рамках нарративного подхода // Мир психологии. – 2004. – № 2. – С. 67–77.
25. *Макадамс Д. П.* Психология жизненных историй // Методология и история психологии. – 2008. – № 3. – С. 135–167, 137.
26. *Singer J. A.* Narrative identity and meaning making across the adult lifespan: An introduction // Journal of Personality. – 2004. – № 72 (3). – P. 437–460.
27. *Барский Ф. И., Грицук А. Г.* «Интервью о жизненной истории» Д. Макадамса как метод исследования нарративной идентичности // Психологическая диагностика. – 2008. – № 5. – С. 3–32.
28. *Baron J. M., Bluck S.* Autobiographical memory sharing in everyday life: Characteristics of a good story

// International Journal of Behavioral Development. – 2009. – Vol. 33. – P. 105–117.

29. *Боцманова М. Э., Гусева Е. П.* Николай Александрович Рыбников (обзор архивных материалов) // Вопросы психологии. – 1997. – № 6. – С. 96–104, 101.

30. *Сапогова Е. Е.* Возможности анализа автобиографических нарративов в обучении психологическому консультированию // Профессиональное становление специалиста: Сб. науч. трудов. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 124–142, 126.

31. *Шмидт В.* Нарратология. – М., 2003. – С. 96.

32. *McLean K. C., Pasupathi M., Pals J. L.* Selves Creating Stories Creating Selves: A Process Model of Self-Development // Personality and Social Psychology Review. – 2007. – Aug. – Vol. 11. – P. 262–278.

33. *Newcombe R., Reese E.* Evaluations and orientations in mother-child narratives as a function of attachment security: A longitudinal investigation // International Journal of Behavioral Development. – 2004. – May. – Vol. 28. – P. 230–245.

34. *Жорняк Е. С.* Нарративная терапия: от дебатов к диалогу // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 3.

35. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. – Таллин, 1992. – С. 268.

36. *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие. Коммуникация и прагматика. – М., 2007.

37. *Барский Ф. И., Грицук А. Г.* «Интервью о жизненной истории» Д. Макадамса как метод исследования нарративной идентичности // Психологическая диагностика. – 2008. – № 5. – С. 3–32.

38. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.

39. *Нуркова В. В.* Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. – 2008. – № 1. – С. 17–25.

40. *Шмидт В.* Нарратология. – М., 2003.

41. *Сакс О.* Человек, который принял жену за шляпу и другие истории из врачебной практики. – М., 2006. – С. 151.

42. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. – Таллин, 1992. – С. 307.

43. *Нуркова В. В.* Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности

// Культурно-историческая психология. – 2009. – № 2. – С. 60–68.

44. Сапогова Е. Е. Возможности анализа автобиографических нарративов в обучении психологическому консультированию // Профессиональное становление специалиста: Сб. науч. трудов. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 124–142. – С. 126.

45. Lyubomirsky S., Sousa L., Dickerhoof R. The costs and benefits of writing, talking, and thinking about life's triumphs and defeats // Journal of Personality and Social Psychology. – 2006. – № 90. – P. 692–708.

46. Нуркова В. В. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. – 2008. – № 1. – С. 17–25.

47. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М., 2000.

48. Eakin P. J. Living Autobiographically: How We Create Identity in Narrative. – Cornell University Press, 2008. – P. 8.

49. Нуркова В. В. культурно-исторический подход к автобиографической памяти: Дис. д-ра психол. наук. – М., 2009.

50. Thorne A. Putting the person into social identity // Human Development. – 2004. – Vol. 253. – P. 1–5.

51. Николаенко Е. В. Психологическая интерпретация феномена жалобы в русской культуре: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 23.

52. Нуркова В. В., Безрогов В. Г., Кошелева О. Е., Мещеркина Е. Ю. Биографическое интервью: Учебно-методическое пособие. – М., 2001.